

Научная жизнь, обзоры, рецензии

УДК 165.3, 165.4, 164.08
DOI: 10.15372/PS20210110

О.А. Козырева

НОВАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ОБЗОР КНИГИ Т. УИЛЬЯМСОНА «KNOWLEDGE AND ITS LIMITS»

Статья представляет собой обзор одной из ключевых работ Т. Уильямсона «Knowledge and Its Limits», в котором кратко излагаются основные идеи двенадцати глав книги.

Ключевые слова: Уильямсон; знание; незнание; эпистемология; логика

O.A. Kozyreva

NEW EPISTEMOLOGY: A REVIEW OF T. WILLIAMSON'S "KNOWLEDGE AND ITS LIMITS"

The article reviews "Knowledge and Its Limits" by Timothy Williamson, which is one of his key works. It summarizes the main ideas of the twelve chapters of the book.

Keywords: Williamson; knowledge; ignorance; epistemology; logic

В 2020 г. отмечался двадцатилетний юбилей с момента выхода первого издания книги Т. Уильямсона «Knowledge and Its Limits» [2]. Несмотря на довольно солидный возраст, эта работа оксфордского профессора незаслуженно редко попадает в поле зрения русскоязычных философов (безусловно, одна из главных причин этого заключается в отсутствии перевода данной работы на русский язык). Тем не менее она представляет особый интерес для специалистов не только

в области эпистемологии, но и в областях философии сознания, логики, философии языка и метафизики.

Книга состоит из введения, 12 глав, которые представляют собой исправленные и дополненные фрагменты ранее опубликованных статей Т. Уильямсона, шести приложений с формальными доказательствами некоторых положений из основной части работы (например, итерации вероятностей в эпистемической логике), библиографического списка и предметного указателя. Всего книга насчитывает x_i+332 страницы.

Основная идея «Knowledge and Its Limits» заключается в том, чтобы внести изменения в способ объяснения того, что значит «знать». Т. Уильямсон отвергает традиционный для классической эпистемологии подход к объяснению понятия пропозиционального знания через сведение его к более базовым понятиям убеждения, истины и обоснования. В рамках этого подхода понятие убеждения обладает концептуальной первичностью по отношению к понятию знания, и обусловлено это имплицитно принимаемой интерналистской концепцией ментального. Защищая экстерналистскую концепцию ментального, Т. Уильямсон стремится вернуть понятию знания концептуальный приоритет, т.е. продемонстрировать, как возможна эпистемология, в которой знание признается базовым понятием, посредством которого объясняются понятия убеждения, истины и обоснования. Такой подход к эпистемологии он именуется подходом «сначала знание» (knowledge first).

В первой главе Т. Уильямсон излагает свою основную гипотезу о том, что знание является ментальным состоянием. Традиционная эпистемология, предполагающая анализ понятия знания, рассматривает знание как состоящее из двух компонентов: ментального (убеждение) и нементального (истинность, обоснованность). Наличие нементального компонента делает знание фактивной пропозициональной установкой (знать можно только то, что истинно), в то время как убеждение является установкой нефактивной (можно быть убежденным и во лжи). Для того чтобы защитить представление о знании как о ментальном состоянии, Т. Уильямсон пытается разобраться, насколько оправдан один из основных критериев, по которым знание не может считаться ментальным состоянием, а именно картезианская идея о том, что агент всегда осведомлен, в каком ментальном состоянии он находится. Если принимать эту идею, то знание не может считаться ментальным состоянием, так как оно зависит от положения дел в мире и «не прозрачно» для познающего агента. Т. Уильямсон демонстриру-

ет, что данный критерий неприменим в полной мере даже к классическим примерам ментальных состояний, поэтому тот факт, что знание не является «прозрачным» для агента, не должен считаться препятствием для включения знания в число ментальных состояний. Обращаясь к семантике обыденного языка (конечно же, английского), Т. Уильямсон выделяет оператор фактивного ментального состояния (FMSO) для выражения фактивных ментальных состояний. Поскольку знание, с позиции Т. Уильямсона, является наиболее общей фактивной установкой, выражающей состояние агента, глагол «знать» также функционирует в языке как FMSO.

Во второй главе Т. Уильямсон обращается к дискуссии между экстернализмом и интернализмом в философии сознания. Он обнаруживает, что редукционистская программа анализа понятия знания в традиционной эпистемологии является следствием интерналистской концепции ментального: так как ментальные состояния агента детерминированы его внутренними физическими состояниями, и только ментальные состояния в узком смысле (*narrow mental states*) могут быть каузально действенными, знание является не подлинным ментальным состоянием, а своеобразным гибридом (конъюнкцией) ментального состояния и независимых от него условий внешнего мира. Для того чтобы фактивные установки, и в частности знание, могли считаться ментальными состояниями, необходимо, чтобы экстернализм в отношении содержания ментальных состояний был совмещен с экстернализмом в отношении установок ментальных состояний. Т. Уильямсон демонстрирует, что рассуждению интерналиста о том, что знание в отличие от убеждения не является ментальным состоянием, возможно привести такие контрпримеры, которые опровергают интернализм на независимых от принятия экстернализма основаниях.

Третья глава продолжает начатую критику интернализма и фокусируется на неоправданности конъюнктивного анализа ментальных состояний. Эту неоправданность Т. Уильямсон доказывает посредством указания на то, что большинство ментальных состояний представляют собой простые условия, а не составные (т.е. понимаемые как конъюнкция условий), как то мыслится интерналистами. Именно простые условия играют важную роль при объяснении действий агентов, и одним из таких условий является знание. Аргументом в пользу того, что понятие простого условия не избыточно, служит тот факт, что оно способствует достижению свойства всеобщности положений теории действия. Помимо всеобщности Т. Уильямсон также отмечает и важ-

ность свойства корреляции между двумя переменными в теории. Обращаясь к инструментарию теории вероятности, он рассматривает корреляционную зависимость между истинным убеждением и действием, с одной стороны, и знанием и действием – с другой, приходя к выводу о том, что данная зависимость носит более сильный характер именно в случае знания, а не истинного убеждения. Попытка интерналиста спастись от критики, предпринимаемой Т. Уильямсоном, за счет перехода от конъюнктивного анализа ментальных состояний к дизъюнктивному также оказывается неудачной: ментальные состояния в узком смысле при дизъюнктивном анализе вообще не имеют объяснительной силы и, следовательно, беспричинно усложняют теорию действия.

В четвертой главе Т. Уильямсон развивает аргумент антисветимости (*anti-luminosity argument*), направленный против картезианской идеи о том, что сущностным свойством ментальных состояний является наличие у агента привилегированного эпистемического доступа к ним. «Светящиеся» ментальные состояния таковы, что если агент находится в них, то у него есть возможность приобрести о них знание. Аргумент предполагает, что любое ментальное состояние, которое агент может постепенно приобретать и постепенно терять, не имеет свойства «светимости», так как агент не способен с точностью до миллисекунды определить, в каком состоянии он сейчас находится. Данный аргумент основывается на принятии принципов предела погрешности (*margin of error*), безопасности (*safety*) и надежности (*reliability*) знания. Основным выводом аргумента антисветимости становится указание на то, что агент может знать некоторый факт (или событие), но не знать об этом своем знании, а это эквивалентно отказу от картезианства.

В пятой главе продолжается аргументация в пользу ограничений, накладываемых на возможность итерации знания. Эти ограничения Т. Уильямсон связывает с тем, что принцип предела погрешности является необходимым условием для знания агента. Для иллюстрации данных ограничений он предлагает близкий к аргументу антисветимости аргумент Мистера Магу [1]. По сути, это рассуждение против неограниченного принятия одного из принципов эпистемической логики – КК-принципа (если агент знает, что p , то он знает, что он знает, что p), который следует из допущения наличия свойства «светимости» у ментальных состояний. Аргумент этой главы опирается уже не столько на ограниченные способности агента к дифференциации своих ментальных состояний (как это было в аргументе антисветимости), сколько на

накладываемые принятием принципа безопасности ограничения на итерацию знания. Завершается глава рассмотрением возможности построения модели общеизвестного знания, которое формально выражается через итерацию оператора знания для каждого нового агента.

Шестая глава представляет собой применение полученных в предыдущей главе результатов к парадоксу неожиданного экзамена и к его измененной версии – парадоксу беглого взгляда. Т. Уильямсон определяет, что оба парадокса возникают из одновременного принятия принципа предела погрешности и допущения многократной итерации оператора знания. Он отмечает, что парадокс неожиданного экзамена предполагает смену когнитивной точки зрения у учащихся при каждой итерации оператора знания и не включает в себя допущение КК-принципа, в то время как парадокс беглого взгляда основывается на данном допущении и на сохранении одной и той же когнитивной точки зрения. Тем не менее указанные различия не мешают Т. Уильямсону анализировать оба парадокса как основанные на итерации знания.

В седьмой главе Т. Уильямсон рассматривает контрфактическое по отношению к принципу безопасности знания понятие чувствительности (*sensitivity*) к истине, которое предполагает, что если бы *p* было ложным, то агент не был бы убежден в *p*. Т. Уильямсон приходит к выводу, что данное понятие не может заменить или собой дополнить требования к принципам, необходимым для того, чтобы у агента имелось знание, так как чувствительность к истине влечет за собой возможность скептической аргументации. Именно эта проблема выявляется в подходах к анализу знания Р. Нозика и К. ДеРоуза, которые разбирает Т. Уильямсон.

Восьмая глава подробнее раскрывает причины возникновения скептицизма, который для Т. Уильямсона близок к болезни внутри философии. Он адаптирует аргумент антисветимости из четвертой главы, чтобы продемонстрировать, что агент (с учетом его ограниченных способностей к дифференциации) не всегда знает, в чем состоят его свидетельства для того, чтобы иметь то или иное убеждение. В результате этого вывода агент, которого мы обычно мыслим как рационального, оказывается в затруднительном положении: для того чтобы поступать рационально, агент не должен нарушать свои свидетельства, но для этого ему необходимо прежде всего знать их, а именно это он не всегда в состоянии сделать. Именно по этой причине Т. Уильямсон заявляет о том, что требования рациональности так же не являются «прозрачными» для самого агента. Лечение, которое Т. Уильямсон прописывает

скептику, таково: нам следует отдать ему на откуп наше представление о том, что у нас есть полное знание о себе, чтобы сохранить себе возможность познавать внешний мир. Фактически это означает, что для Т. Уильямсона возникновение скептических аргументов связано с картезианской в своих истоках идеей о знании агента о своих ментальных состояниях.

В девятой главе Т. Уильямсон излагает свою экстерналистскую концепцию тождества между знанием агента и совокупностью всех имеющихся у него свидетельств. Основной тезис, который анализирует Т. Уильямсон: только знание является свидетельством – представляет собой конъюнкцию трех посылок: а) все свидетельства имеют пропозициональную природу (непропозициональные объекты, например опыт восприятия агента, свидетельствами не являются, так как они не выполняют требуемый для этого функционал); б) все пропозициональные свидетельства являются знанием; в) все знание является свидетельством. Исходя из того, что знание влечет за собой убеждение, а обоснованием для истинного убеждения служат свидетельства, которые тождественны знанию, следует, что именно знание обосновывает истинное убеждение. Т. Уильямсон замечает, что такую позицию можно рассматривать как умеренный эпистемологический фундаментализм. Для построения модели свидетельств Т. Уильямсон вновь прибегает к вероятностному подходу.

В десятой главе продолжается изложение вероятностной эпистемологии, развиваемой Т. Уильямсоном. Эта эпистемология не игнорирует проблему достоверности свидетельств, а дает ей формальное объяснение. Сама проблема достоверности свидетельств возникает из принятия двух тезисов: тезиса пропозициональности и тезиса монотонности. Т. Уильямсон отвергает подход к решению этой проблемы в стиле Р. Джеффри, а именно сохранить второй тезис и отказаться от первого, и предлагает отказаться от второго и сохранить первый. Далее он обосновывает, что знание и свидетельская вероятность являются взаимодополняющими понятиями, и последнее должно трактоваться не в качестве личной степени уверенности (*credence*) агента, как это происходит в байесианизме, а в качестве объективно существующих элементов реальности. Завершает главу представление формализованной модели концепции тождества знания и свидетельства (с сохранением тезиса пропозициональности).

В одиннадцатой главе Т. Уильямсон обращается к тому, как агенты в речевых актах выражают знание и передают его друг другу. Ины-

ми словами, речь идет о понятии утверждения (assertion). Способ существования конститутивных правил утверждений близок к способу существования правил в играх: они не являются конвенциями, не устанавливают необходимых условий для совершения акта утверждения и не носят телеологический характер. Правило утверждения в самом общем виде выглядит следующим образом: агент должен утверждать, что p , если у p имеется свойство C . Из трех основных претендентов на место C – истины, подтверждения (warrant) и знания Т. Уильямсон выбирает знание: агент должен утверждать, что p , если агент знает, что p . В этом случае агент не только делает высказывание, но и налагает на себя эпистемическую ответственность за истинность содержания этого высказывания. Более формальное изложение своей позиции Т. Уильямсон осуществляет на примере того, как работает правило утверждения в математике: агент должен утверждать, что p , если у него есть доказательство, что p (поскольку знание тождественно наличию доказательства).

Двенадцатая глава посвящена рассмотрению парадокса Фитча. Здесь Т. Уильямсон смещает фокус своего внимания с внешних ограничений пропозиционального знания агента на ограничения внутреннего. Парадокс Фитча как раз предстает одним из примеров наличия такого вида ограничений. Однако в отличие от стандартных интерпретаций Т. Уильямсон, не видит оснований для того, чтобы называть рассуждение Ф. Фитча парадоксом. Для него данное рассуждение скорее является контрпримером против антиреализма, защищаемого, в частности, М. Даммитом. Т. Уильямсон приводит аргументы в пользу того, что рассуждение Ф. Фитча основывается на переходе от случайного утверждения незнания к необходимому утверждению незнания, и демонстрирует, что позиция верификационизма является ложной: слабая версия верификационизма (все истины могут быть познаны), на первый взгляд более адекватная, в действительности оказывается эквивалентной его сильной версии (все истины познаны), которая адекватной очевидно не является.

Литература

1. *Борисов Е.В.* Знание о незнании в эпистемических апориях // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 52. – С. 15–22.
2. *Williamson T.* Knowledge and Its Limits. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

References

1. *Borisov, E.V.* (2019). Znanie o neznanii v epistemicheskikh aporiyakh [Knowledge of ignorance in epistemic aporia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 52, 15–52.
2. *Williamson, T.* (2000). Knowledge and Its Limits. Oxford, Oxford University Press.

Информация об авторе

Козырева Ольга Александровна – ассистент кафедры онтологии и теории познания Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51).
olga.kozyreva@urfu.ru

Information about the author

Kozyreva Olga Aleksandrovna – Ural Federal University (620000, 51 Lenin Ave., Ekaterinburg, Russia).
olga.kozyreva@urfu.ru

Дата поступления 02.02.2021